

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.1-11-33

УДК 316.421

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Розин Вадим Маркович,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник Института философии РАН,

Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются две основные темы: понимание автором социальности и результаты исследования им становления и первых этапов (Античность и Средние века) развития европейской социальности. Понимание социальности задается посредством характеристики социологического подхода, в котором различаются четыре основные особенности. Первая – аксиологическая трактовка социальности (справедливо/несправедливо, соответствие/несоответствие образцу или идеалу) и установка на переделку или совершенствование социальности. Вторая особенность – анализ массового поведения и социального порядка. Третья – изучение социальности, начиная с античной культуры; природа социальности и выявления ее законов. Формулируется дилемма: что же изучает или, точнее, должна изучать социология – модерн или постмодерн? Четвертая особенность – социология рассматривает социальность как феномен модернизировать, т. е. изучает массовое поведение людей как таковое, вне исторического и культурного контекста. Излагая результаты изучения становления и развития первых этапов европейской социальности, автор различает протосоциальность, под которой он понимает предшествующее состояние и предпосылки социальности, где еще не сложились специфические формы ее осознания, и собственно социальность. Указываются две причины, заставляющие анализировать социальность: во-первых, такой анализ позволяет избежать незаконных исторических реконструкций (модернизаций), во-вторых, он дает возможность понять, что принципиально нового появляется в процессе становления социальности. Только в социальности появляется личность, без которой не состоялся бы первый тип социальности – полисная социальность. Здесь же складывается мышление, впервые позволившее развести социальную жизнь и знание о ней. Положив в схемах и знаниях социальную жизнь как объект, человек начал продумывать социальность и ставить задачу улучшения ее. Рассматриваются характеристики трех основных типов социальности: античной, предполагающей принятие решений в рамках полиса свободны-

ми гражданами; имперской, подчиняющей полисную социальность централизованному управлению императора, и средневековой, причудливо объединившей оба указанных типа социальности. Перебрасывается мостик к следующему этапу исследования – новоевропейской социальности и ее кризису в постмодерне.

Ключевые слова: социальность, социология, генезис, протосоциальность, культура, личность, наука, природа, коллектив, управление, власть.

Библиографическое описание для цитирования:

Розин В.М. Становление и этапы развития европейской социальности // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 1. – С. 11–33. – DOI: . 10.17212/2075-0862-2019-11.1.1-11-33

Начну с характеристики своего подхода и понимания социальности. Я присоединяюсь к традиции, утверждающей, что социальность – культурно-историческое явление. В свою очередь, культурно-исторический подход предполагает анализ, точнее реконструкцию, с одной стороны, становления интересующего исследователя феномена, в данном случае социальности, с другой – его развития или метаморфоз. Подобно другим социокультурным феноменам – технике, науке, философии, любви, праву – социальность впервые складывается в определенной культуре. Я считаю, что социальность начинает формироваться в античной культуре [11, 17]. В последующих культурах (средневековой и Нового времени) она развивается и изменяется.

Установка на анализ становления требует анализа *предпосылок* социальности, т. е. того, что можно назвать «протосоциальностью», а также реконструкции становления социальности в поле этих предпосылок. При этом социальность нельзя понимать как более развитое состояние протосоциальности. Социальность – это новый феномен, становление которого хотя и предполагает определенные предпосылки, но из этих предпосылок социальность не выводится, а рождается как бы «из ничего».

Формулирую я для себя и такое требование: нужно иметь дело именно с социальностью как феноменом, а не редуцировать ее к какому-нибудь другому объекту. Феноменологи говорят в таких случаях, что мышление исследователя должно быть «беспредпосылочным». «Феноменологический метод, – пишет П.П. Гайденко, – не может иметь дела с реальностью, которая принципиально не является, не может стать феноменом, – тем, что само себя являет сознанию» [3, с. 363–364]. Но ведь социальность не дана нашему сознанию как объект созерцания, тем более еще до самого исследования. Каким образом на этом этапе работы дотянуться до социальности как феномена? Я предполагаю, что для этого нужно учесть специфику и особенности социологического подхода. Рефлексируя этот подход, я выделяю следующие четыре его характеристики.

Первая характеристика. Как правило, социолог оценивает социальную реальность в отношении «справедливо/несправедливо» или «соответствия/несоответствия» определенному образцу или идеалу [28]. Например, К. Маркс считал, что капиталистическая социальность устроена несправедливо, поскольку в силу своего права частной собственности на средства производства капиталисты крадут у рабочих значительную часть произведенной ими прибавочной стоимости. А Дюркгейм оценивал социальность, исходя из идеала социального порядка. «Дюркгейм, – отмечает Ритцер, – опасался социального хаоса и ненавидел его. На его работы повлияли беспорядки, ставшие результатом общих социальных изменений, такие как промышленные забастовки, разложение правящего класса, разногласия церкви и государства, рост политического антисемитизма, более характерного для современной Дюркгейму Франции. Фактически большинство его произведений посвящено изучению социального порядка. Он считал, что социальный беспорядок *не является* необходимой частью современного мира и может быть уменьшен с помощью социальных реформ» [10, с. 30–31].

Оценивая социальность, социологи предлагают ее улучшить (кардинально изменить или оптимизировать), т. е. они уверены, что это возможно (уже понятие «благо», которое Платон и Аристотель используют в своих работах, содержит интенцию на улучшение социальной жизни; интересно, что в настоящее время социологи возвращают в свои размышления это понятие). При этом одновременно указывается тип «социального действия» (революция, реформа, изменение сознания и прочее), позволяющего такое улучшение произвести. Например, Маркс был убежден, что можно способствовать установлению социальной справедливости путем революций и построения социализма. В настоящее время, как известно, большинство социологов склоняются в сторону реформ [24, 26]. А, скажем, З. Бауман и Б. Латур считают, что улучшить социальную жизнь можно за счет специфического истолкования социологами реальности [2, с. 239–242].

А вот, например, как начинает свою книгу Ритцер. Он пишет, что современный мир представляет собой железную клетку рациональных систем, что капитализм имеет тенденцию к саморазрушению, а мораль в современном мире значит гораздо меньше, чем в ранних обществах. Что хотя западный мир претерпел процесс либерализации, на самом деле атмосфера в нем становится всё более удушливой. Что люди всегда имеют возможность изменить ограничивающий их миропорядок. Наконец, заключает так: «Современный мир вступил в постмодернистскую эру, для которой характерны отсутствие аутентичности, фальшь, симуляция реальности» [10, с. 16].

Здесь что ни положение, то оценка, однако какое социальное действие способно изменить сложившийся миропорядок, Ритцер не указывает.

И думаю, правильно делает. Стало понятным, что социальность – настолько сложный феномен и к тому же в настоящее время мало исследованный и понятный, что невозможно указать социальное действие, соразмерное этой сложности и пониманию, точнее, непониманию (неопределенности). Вместо глобальных социальных проектов, реализация которых часто приводит к результатам, прямо противоположным планировавшимся, М. Фуко предлагает перейти к локальным социальным действиям и социальным объектам. Но в этом случае становится проблематичной установка социологов на контролируемое улучшение социальной жизни в целом.

Вторая характеристика. В отличие от психолога социолог осмысляет и изучает не индивидуальное поведение человека и его психику, а *массовое поведение людей и социальный порядок*, обуславливающий это поведение. И массовое поведение, и социальный порядок в социологии трактуются по-разному. На одном полюсе рассматривается общество и социальные институты, на другом – группы и социальные нормы, например ценности. Анализ позволяет утверждать, что массовое поведение, по сути, понимается социологами тройко. С одной стороны, структурно (например, у Латура это коллектив). С другой стороны, как форма общения [8, с. 132]. С третьей стороны, массовое поведение рассматривается как продукт деятельности (у Латура коллектив «собирается», причем в настоящее время должен быть собран заново). «Ощущение кризиса, которое, на мой взгляд, стало центральным для социальных наук, – пишет Латур, – теперь можно выразить так: при расширении ряда сущностей новые ассоциации не образуют жизнеспособной сборки. И именно здесь на сцену снова выходит политика, определяемая нами как интуиция того, что самих ассоциаций недостаточно: еще нужна их *колтозиция*, чтобы *выстроить* общий мир» [6, с. 355].

Третья характеристика. Начиная с Платона и Аристотеля необходимым условием улучшения социальной жизни выступает *изучение* социальности. Более того, в «Политике» Аристотель фактически уже говорит о «природе социальности», подразумевая под этим анализ ее сущности. «Из всего сказанного, – пишет он, – явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря “без роду, без племени, вне законов, без очага”; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске» [1, с. 378–379].

Начиная со второй половины XIX века предлагается исследовать социальную природу научным способом, при этом первоначально эта природа понималась по аналогии с реальностью первой природы, отсюда идея

«социальной физики». «Конт, – пишет Ритцер, – разработал *социальную физику*, или то, что в 1832 г. он назвал *социологией*. Применение термина *социальная физика* поясняет, что Конт стремился создать социологию по образцу точных наук. Предполагалось, что эта новая наука, которая, на его взгляд, должна была в конечном счете стать *единственной* главенствующей наукой, будет заниматься как социальной статикой (существующими социальными структурами), так и социальной динамикой (социальными изменениями). Хотя и то и другое включает поиск *законов* социальной жизни» [10, с. 27].

Четвертая характеристика. Социология рассматривает социальность как феномен модернити, т. е. изучает массовое поведение людей как таковое, вне исторического и культурного контекста. По сути, это еще одна характеристика социологического подхода. Реализуя указанную установку на внеисторическое и внекультурное понимание человека, рассматривая последнего как человека современного, социологи столкнулись с серьезной проблемой. Поясню ее на примере исследований З. Баумана. В работе «Актуальность холокоста» он хотел сформулировать «уроки холокоста», показав, что холокост не был каким-то отклонением от обычных социальных процессов и законов, что подобные трагедии в наше время вполне могут повториться. Поставленную задачу Бауман решил, но одновременно или чуть позднее, изучая то, что происходило в мире, он понял, что социальная жизнь стремительно меняется и поэтому уже трудно адресовать обществу сформулированные им «уроки холокоста».

Возник принципиальный вопрос: что же изучает или, точнее, должна изучать социология – модерн или постмодерн? Если модерн, то, возможно, он уже уходит, претерпевая метаморфоз; если постмодерн, то последний только складывается, и его сущностные черты пока не ясны. «Сегодня, – пишет Ритцер, – в социологии идут ожесточенные дискуссии между теми, кто продолжает считать нынешнее общество современным миром, и теми, кто утверждает, что в последние годы произошли существенные изменения и мы перешли в новый, “постсовременный” мир» [10, с. 484]. Из книги Ритцера понятно, что существуют три точки зрения на этот вопрос: одна – да, мы уже перешли в новый мир, где складывается новая социальность; другая – нет, мы по-прежнему в мире современности, и только кажется, что социальность кардинально изменилась; и третья, которая, на мой взгляд, ближе всего к истине, – социология имеет дело со сложной, двухслойной реальностью «модерна-постмодерна». Теперь о моем отношении к некоторым из этих характеристик.

Я вполне разделяю оценочное отношение к социальной жизни и необходимость указывать тип социального действия. Но считаю, что обе эти установки необходимо проблематизировать. Можно ли, например, сегодня, следуя Марксу, понять, что справедливо, а что нет? Справедливо ли пе-

пераспределять национальный продукт от работающих к неработающим (полностью неработающим или частично)? Этот тренд, как известно, принимает всё больший масштаб. С одной стороны, справедливо, поскольку с позиции либеральных ценностей каждый человек, работает он или нет, должен быть обеспечен достойным уровнем существования (имеет право на такое существование). С другой стороны, несправедливо, поскольку, как указывают критики этого тренда, подобное распределение способствует иждивенчеству, развращает население, плодит желающих жить на пособия, не работая, умножает организации и институты, кровно заинтересованные в подобном развитии событий (это и форма новой власти, бюрократии и неплохого благосостояния для членов этих организаций).

Можно ли в настоящее время указать социальные технологии, позволяющие эффективно улучшать жизнь людей, например, в ситуации, характерной для нашей страны? С одной стороны, большинство социологов и экономистов утверждают, что это невозможно без проведения политических и социальных реформ, с другой – они показывают, что в России сложились такое общество и власть, которые такие реформы проводить не могут. Итак, и оценку, и тип социального действия без специальных исследований и обсуждений с участием заинтересованных лиц (население, бизнес, власть, различные сообщества) определить невозможно.

Принимаю я также установку, в соответствии с которой социологический подход предполагает анализ массового поведения и социального порядка. Традиционно именно общество рассматривается в социологии как целое в отношении массового поведения человека, а право – как определяющее социальный порядок [25, 27]. Но опять же и то и другое нуждается в проблематизации. Можно ли, скажем, считать обществом население страны или суд в качестве полноценного института права, если государство жестко контролирует и направляет их с целью удержания своей власти?

Я не сомневаюсь, что можно говорить о социальной природе и изучать ее. При этом, как выше отмечалось, социальность не равна сама себе, она представляет собой культурно-исторический феномен. Это можно считать первой сущностной характеристикой социальной природы. Вторую характеристику я получил в ходе культурологических исследований. Убедился, что на изменение социальности влияет личность, которая, по моим работам, формируется, начиная с античной культуры [11, 13–15]. Один из ярких примеров подобного влияния – захват личностью социальных структур, что характерно для диктатур или авторитарных и тоталитарных государств; другой, более распространенный вариант – использование чиновником своего места в социальном институте не по назначению, а именно для извлечения ренты и даже настоящего

рентостроительства (принятия нужных регламентов и законов, продвижения нужных людей и пр.).

Принимаю я еще одну характеристику социальности, а именно: социальность – это форма социальной жизни. В связи с этим можно говорить о циклах социальной жизни, воспроизводстве социального организма, социальной среде, социальных процессах, борьбе социальных организмов между собой, системах жизнеобеспечения и о многом другом [16].

В точке становления новой социальности, а мы находимся именно в этой ситуации, социальность сознательно формируется. Сознательно, следовательно, с опорой на знания и исследования социальности. В свою очередь, подобные исследования предполагают интеллектуальное управление и сопровождение, т. е. методологическую работу.

Наконец, особенность настоящего момента состоит в том, что социальность, с одной стороны, сформировалась в контексте модерна, а с другой стороны, действительно, быстро меняется. Поэтому при уяснении природы современной социальной реальности необходимо прибегать к характеристикам как модерна, так и постмодерна. Отношения между ними (борьбы, вытеснения, конвергенции, ассимиляции и другие) – предмет как социальной теории, так и практики.

Теперь расскажу, что я получил в рамках проведенного мною исследования становления и первых этапов развития европейской социальности [11, 12, 17–19].

На мой взгляд, стратегия культурно-исторического анализа социальности и представление последней сквозь призму социологического подхода и проблем в целом себя оправдали. Проведенное исследование показало, что да, действительно, можно говорить о протосоциальности, о становлении (происхождении) социальности в античной культуре, а также о разных типах социальности (полисной и имперской в Античности и средневековой). Протосоциальность и собственно социальность я различил, исходя из следующих соображений. До античной культуры мы не наблюдаем специфических форм осознания социальной жизни. Мифологические же формы осмысления (концептуализации) не позволяли эту жизнь целесообразно делать предметом деятельности человека (стремиться к ее улучшению, сознательно менять социальный порядок), без чего, на наш взгляд, социальность не существует.

Специфические формы осознания социальной жизни, как известно, возникли в античной культуре (работы Платона и Аристотеля и ряда других мыслителей). Я показываю, что не совсем точно говорить об осознании социальной жизни, лучше о «концептуализации», поскольку в работах философов и мыслителей социальность впервые конституируется на основе созданных ими схем. Механизм здесь был такой. В ситуациях, когда

обсуждались проблемы полиса (например, хозяйственные вопросы, отношение к рабам, устройство власти, предпочтение войны или мира и пр.), для выработки согласованных решений требовались представления, лежащие по ту сторону отдельных мнений тех равноправных граждан, которые вырабатывали решения; необходимы были основания, разделяемые большинством. Платон и Аристотель создают схемы, позволяющие разрешить указанную проблемную ситуацию (с точки зрения моей реконструкции основные решения, которые ими предлагаются, создаются на основе схем). Если Платон характеристики реальности, заданные схемами, истолковывает в духе диалектики отношений между идеями («единое есть многое»), а также в идеологии своего рода «античного проектирования» («мысленного построения» социальной жизни и «реализации» построенных схем [9]), то Аристотель указанные им на схемах характеристики социальной жизни считает принадлежащими особой природе – политике. Выявляя в «Политике» и «Этике» сущность социальных явлений, он надеется вооружить правителей знаниями, которые сделают их деятельность эффективной.

Платон и Аристотель, конституируя социальность, исходили из представлений о благе (и справедливости), приоритете блага общего над благом отдельного человека, из желания преодолеть разрыв между богатством одних и бедностью других. Здесь, естественно, возникает несколько вопросов: что собой представляют благо и справедливость (известно, что на этот вопрос все отвечают по-разному); как понимать приоритет общего и большинства над частным и меньшинством (скажем, в либеральной концепции защита интересов меньшинства является такой же важной задачей, как и большинства); к каким последствиям ведет политика уравнивания богатых и бедных (обычно она сказывается на темпах социально-экономического развития, ведя к застою).

Или другой вопрос: что собой представляет социальность (можно ли ее вообще считать социальностью?) в рамках концептуализации, в которой не ставятся задачи улучшения жизни человека и разрешения острых социальных проблем, а, скажем, выдвигаются такие цели, как победа над другой страной или реализация некоторого социального идеала (христианского спасения, построения коммунизма во всем мире, победы над неверными и др.)? Не имеет ли тогда смысла различить два типа социальности, назвав первый тип «гуманистической социальностью», а второй – «метафизической социальностью»? Или же метафизическая социальность – это не социальность?

Если Платон, особенно вначале, был уверен в возможности реализации своего проекта кардинальной перестройки социальной жизни (правда, в конце своего жизненного пути он писал, что этот замысел вряд ли когда-нибудь удастся осуществить, что это подобно «лепке из воска»), то Ста-

гирит и не ставил перед обществом таких космических задач и считал, что своими размышлениями о правильной социальной жизни он всего лишь способствует ее выявлению (выхождению на свет). Это различие проходит потом через всю европейскую историю: например, уверенность Маркса в победе социализма («экспроприаторов экспроприруют») и осторожность Латура и Баумана, считающих, что социологи своими отчетами и истолкованиями социальной жизни посылно участвуют в ее развитии, работая на расширение свободы человека.

Может возникнуть вопрос, а зачем вообще нужен анализ предпосылок социальности (протосоциальности). С одной стороны, чтобы избежать незаконных исторических реконструкций (модернизаций), когда считают, что социальность всегда была и уж точно была, если речь идет о таких царствах Древнего мира, как Египетское или Вавилонское. Ну да, с нашей рациональной точки зрения, жизнь Древнего Египта подчиняется социальным законам, но с точки зрения египтянина она полностью определялась богами. И если мы хотим понять их реалии (например, природу пирамид или веру во вторую душу человека – «ка»), то не имеет смысла объяснять эти феномены нашими социальными законами.

С другой стороны, анализ протосоциальности позволяет через сравнение понять, что принципиально нового появляется в процессе становления социальности. В протосоциальности, так же как и в социальности, уже создаются социальные коллективы (царства, поселения, города), складываются управление и власть, без которых коллектив не может существовать, имеет место специализация (не путать с разделением труда)¹. Однако только в социальности появляется личность, без которой не состоялся бы первый тип социальности – полисная социальность. Только здесь складывается мышление, впервые позволившее развести социальную жизнь и знание о ней. Положив в схемах и знаниях социальную жизнь как объект, человек как личность смог начать продумывать социальность и ставить задачу улучшения ее.

Реконструкция протосоциальности, на мой взгляд, позволяет уяснить три важных момента. Первый, это понимание того, что социальная жизнь складывается не сама собой, а предполагает деятельность человека. Царь – совершенно особый человек: он посредством военных захватов, заключения союзов, уговоров и угроз создает царство (Латур сказал бы: собирает

¹ Кажется, что правители, писцы, воины, земледельцы и ремесленники Древнего мира ничем принципиально не отличаются от наших специалистов, действующих в рамках разделения труда. Но это не так. Все эти занятия и роли были наследственные: например, в семье воина рождался воин, а в семье писца – писец. Второе отличие – невозможность смены профессии. Третье – включенность в другую систему хозяйства и социальной жизни. Специализация, в отличие от разделения труда, основывается не на рациональной организации производственной деятельности и обучении, а на определенном образе жизни.

коллектив). Царь, как правило, – это живой бог, а одна из ролей главных богов – *творение* мира и человека. Но в протосоциальности «социальное строительство» или изменение «социального порядка» (например, ритуал «машрум», когда царь своим указом забирает от ростовщиков землю и дома и возвращает их своим подданным [17]) осознается в мифологической форме: оно понимается только как деяние богов, люди в этом не участвуют.

Второй момент – своего рода синкретизм, включающий в себя антропологические, институциональные (в смысле институций, а не институтов) и языковые (смысловые) характеристики. Царство Древнего мира осмысливается одновременно как царь имярек, боги и народ (египтяне, шумеры). Принципиально, что человек того времени не мог помыслить эти три реальности как существующие сами по себе, по отдельности, – только в синкретизме. И отдельные сообщества (правители, жрецы, писцы, воины, земледельцы, ремесленники) воспринимались синкретически; например, в Египте жрецы – это посредники между людьми и богами, конкретное сословие людей, «социальное тело», представленное богом Тотом².

Третий момент касается самой сути социальной жизни – она всегда основывается на *управлении и власти*. Коллективная жизнь была бы невозможна без управления, предполагающего расслоение на тех, кто управляет, и тех, кем управляют; предусматривающего действие языка и схем, которые задают для управляемых и в значительной степени для управляющих не только управляющие воздействия, но и саму реальность (когерентные, общие представления, если речь идет о сборке и жизни коллектива). Социальное управление – это техническое изобретение, причем такое, которое, как я показываю, создало человека³. А любая новая техника предполагает осмысление, т. е. понимание, что это такое, какое значение данное устройство имеет для человека (например, в архаической культуре техника концептуализировалась как действие духов, в культуре древних царств – как действие богов и направляемых ими людей, в Новое время – как подготовленное человеком действие сил природы) [21]. Основным смыслом для социального управления – представление о власти, причем, как показывает анализ протосоциальности, включающий в себя, уже даже в Древнем мире, идею легитимности⁴. Таким образом, власть – это, с одной стороны, структура социального управления, с другой стороны, если вспомнить указанный выше синкретизм,

² Когда сегодня В.В. Володин утверждает, что Россия – это Путин («Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России»), то он невольно воспроизводит рассмотренный здесь синкретизм культуры Древнего мира. А наша правящая страной элита считает себя не просто выборными представителями народа, а ее самодержавными хозяевами.

³ См. авторскую концепцию происхождения человека [13, 14, 20, 21].

⁴ Вспомним, например, миф о Гильгамеше. Почему люди должны подчиняться царю, жрецам и их слугам? А потому, что царь – живой бог народа, жрецы – слуги богов, а боги создали человека.

власть предстает как смысловое и антропологическое бытие (обеспечение) этой структуры, т. е. объяснение и обоснование того, почему управление так устроено и почему управляют именно эти конкретные люди.

Роль смысловых образований не ограничивается только обеспечением технических новаций, они выступают одним из важнейших условий сборки коллектива. Так, в протосоциальности коллективы собираются и функционируют на основе такого сложного смысла, как боги. Причем я выдвигаю гипотезу и стараюсь ее подкрепить материалом, что именно новые смыслы создают условия для формирования и нового целого, в данном случае социального коллектива [17]. В свою очередь, чтобы был изобретен и сложился новый смысл, необходим ряд предварительных условий.

В представлении о богах причудливо соединяются два разных смысла – индивидуальный и социальный: с одной стороны, боги – это своего рода родители, считалось, что без их участия человек не мог появиться на свет; с другой стороны, боги выступают как творцы социальной жизни и верховные правители. А условием формирования античной личности выступает изобретение такого нового смысла, как человек, хотя и обращающийся к богам за помощью, но одновременно получивший по отношению к ним определенную самостоятельность. В качестве новой смысловой опоры становящаяся античная личность выступает условием для формирования полисной социальности. Чтобы стала возможной имперская социальность, нужно было разработать такие представления (смыслы), как империя, император, культ Августа как отца «Римского мира» и «божественного Юлия»⁵.

Что нового дал наш анализ первого типа социальности, «полисной»? Существует много исследований античной демократии, основанной, как отмечал Аристотель, на общении и коллективном решении полисных проблем равными и свободными гражданами. Однако никто не показал, что речь шла не о простом социальном индивиде, а о «становящейся античной личности». Равным и свободным мог стать только такой человек, который переходил к самостоятельному поведению и начинал выстраивать свой собственный мир и себя в нем. В свою очередь, как я показываю, античная личность могла сложиться только тогда, когда античное об-

⁵ Если в начале XX столетия марксистская идея построения социализма оказалась вполне работающей, она помогла создать в России социалистическое общество и человека, то поиск в конце XX столетия национальной идеи практически ничего не дал. В начале следующего столетия стало ясно почему. В частности, по разным причинам не удалось построить правовое, демократическое государство; власть оказалась в руках небольшого сообщества, построившего, как выражается гл. редактор «Независимой газеты» Константин Ремчуков, «государственно-чеккистский капитализм»; не была деконструирована имперская социальность (ностальгия по СССР как великой державе). Более того, власти развернули кампанию по реставрации этой социальности (экспансия в отношении Украины, артикулирование заслуг Сталина, восстановление ряда институций советского периода, агрессивная внешняя политика, муссирование борьбы с «пятой колонной» и Америкой).

щество согласилось с существованием такого странного человека, который действует самостоятельно и видит не то, что остальные. И не просто согласилось, а вынуждено было изменить многие свои представления и создать новые социальные практики (античное судопроизводство, искусство, платоническую любовь, философию), позволяющие личности, не покидая общества, жить и реализовать свои представления.

Второй момент, относительно слабо рассмотренный в научной литературе, – опора античной личности на мышление и знания и лишь во вторую очередь на мифы. Например, решая проблему свободы и выбора, которые, понятно, важны в практике политики, Платон апеллирует к богам, однако в целом его дискурс рациональный. Так, в «Государстве» Платон описывает перипетии душ в загробном мире. Вроде бы судьба человека полностью определяется богами загробного мира, однако выбор дальнейшей судьбы (жребия) трактуется Платоном как вполне закономерный, обусловленный тем, как человек жил, каков его разум; зависит этот выбор и от личности умершего [9, с. 417–419].

Античный человек, обсуждающий проблемы полиса и принимающий судьбоносные решения, опирается и на мифологические схемы, но, так сказать, во вторую очередь, на первый же план у него выходят схемы, созданные в рамках рационального опыта и философии.

Естественно, что в этих условиях изменилось управление и понимание власти. Управляет уже не царь, представляющий собой институцию (важный элемент в системе управления), а сменяемые обществом субъекты, личности (или группа лиц). Они, конечно, тоже институция, но другая: не элементы структуры управления, а, как сказал бы методолог, «антропологическое наполнение места» в этой структуре. Кроме того, пришлось разделить управление и власть на два типа: первый – власть, принимающая принципиальные решения (позднее получившая название «законодательной» власти), и вторая – исполняющая эти решения («исполнительная власть»).

В связи с такой дифференциацией стоит провести и более общее различие – *становления* социальной жизни и ее *каждодневного продолжения* (воспроизводства). В процессе становления социальность или впервые складывается, или существенно меняется, при этом главные решения принимают представители законодательной власти; в ходе же воспроизводства социальности, в рамках которой действует исполнительная власть, уже найденные решения и институции повторяются. При этом они, реагируя на меняющиеся ситуации, всё же трансформируются, но не принципиально. Исполнительная власть в норме подчиняется законодательной, но, как показала дальнейшая история, не исключено такое развитие событий, когда исполнительная власть (точнее, специалисты, ее образующие,

или те, кто за ней стоит) подбирает ключи к обществу и законодательной власти и начинает управлять ими.

Помимо рассмотренных здесь двух необходимых условий (формирование личности и особенности управления и власти) я анализировал еще два – характер полисного общества и наличие специфической формы осознания социальности. Как правило, полисное общество представляло собой целое, объединенное единством территории, а также этническими (родственными) и символическими связями⁶. Кроме того, оно было относительно небольшим с точки зрения общения и взаимодействия граждан (как следствие, возможность «прямой демократии»). Специфическая же форма осознания социальности – прямой результат развития философии, ориентированной в том числе на разрешение проблем античной практики («технэ», политики).

Предпосылками второго типа европейской социальности (имперской) выступают, как показывает анализ, три основных момента. В качестве первого я бы назвал новый тип сознания – не полисный, а, если так можно сказать, *космополитический*. Он начал формироваться еще в Древней Греции, найдя свое практическое воплощение в завоеваниях Александра Македонского. В «Тимее», «Государстве» и ряде других своих работ Платон рисует картину действительности и социума (государства), общую для всех греков, не обращая внимания на этнические или религиозные различия и особенности. Так же поступает и Аристотель – как известно, учитель Александра Македонского.

Стагирит в «Политике», обсуждая «наилучшее устройство государства», основывается не на различии религий или особенностей этнической жизни, которые он хорошо знает и часто использует в качестве примеров при обсуждении идеальной политики, а на разумном устройстве и благе для общества. Объект его социального действия – это *средний обыкновенный человек, действующий разумно*, а не представитель определенного этноса или религии.

«Как, – спрашивает Аристотель, – может быть наилучшим образом устроена жизнь для большей части государств и для большинства людей безотносительно к добродетели, превышающей добродетель обыкновенного человека, безотносительно к воспитанию, для которого потребны природные дарования и счастливое стечение обстоятельств, безотносительно к самому желательному строю, но применительно лишь к той житейской обстановке, которая доступна большинству». И отвечает так: «Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним... госу-

⁶ Территории с неустойчивыми из-за войн границами обеспечивали и целостность феодальных сообществ типа «сюзерен – вассал», но родовые связи здесь заменили личные договорные отношения.

дарство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй» [1, с. 506, 508].

Почему же и Платон, и Аристотель, прекрасно зная, какую роль играют религия и обычаи и сколь различны эти реалии у разных народов, тем не менее настаивают на образе мира и человека, не учитывающего ни первое, ни второе? Думаю, во-первых, дело в том, что оба философа прекрасно понимают преимущества совместной социальной жизни, исходящей из ценностей общего блага, добродетели и справедливости, ценностей, блокирующих междоусобицу, во многом основанную на абсолютизации и отстаивании этнических и религиозных различий. Во-вторых, задача нормирования рассуждений, выстраивания правильного мышления была связана с преодолением разномыслия и разномыслия, с поиском общих оснований. Как следствие – выход к такой картине мира, где главным являлись не различия, а единство.

Стоит подчеркнуть и такой момент: и для обычного античного человека, и для политика, даже если они стремились к объединению и совместной жизни с другими народами, различие античных народов и религий было исходным фактом и реальностью. Такое мироощущение и приводило к тому, что в современном политологическом языке можно назвать «античной толерантностью», реализовавшейся в трех основных областях: государственной политике, религии и философии. Так, в политике повсеместно была распространена практика заключения союзов и сохранения автономии полисов и общин, входивших в более крупные государственные образования. Например, с римскими союзниками (*socii*) или федератами в республиканский период «заключались особые договоры. Федеративные общины (*civitates foederatae*) пользовались полной автономией, не платили податей, не имели римских гарнизонов и были освобождены от расходов на содержание разъездных магистратов и от военных постоев. Помимо поставки сухопутных и морских контингентов, от федератов требовалось признавать верховенство Рима и “вежливо хранить величие другого народа”, по выражению Цицерона» [23, с. 79].

В сфере религии шел другой процесс: трансформация местных богов и заимствование других, обеспечивающих согласие и понимание в межэтнических отношениях. Например, «параллельно с завоеванием чужих территорий римляне завоевывали и чужих богов. Большая часть римских богов была не исконно римскими богами, а заимствованными у других народов. Уже в эпоху латинских войн в римский пантеон были включены боги латинских городов. <...> Еще сильнее было влияние этрусков и италийских греков. <...> Вместе с греческими богами приходили и греческие культы и религиозные процессии с пением, плясками и театральными представлениями» [Там же, с. 146].

Наконец, и в философии, несмотря на стремление к универсальной всеобщей трактовке действительности, предполагалось и в той или иной степени декларировалось исходное разнообразие: «многое» Платона, важность «первой сущности» Аристотеля, совпадающей с единичными вещами, указание Стагирита на то, что право и государство предполагают свободных и равных людей; последнее же можно было понимать и как требование этнической и религиозной свободы.

Второй предпосылкой имперской социальности выступает сборка «большого коллектива», получившего в дальнейшем название империи, включающего в себя разнообразные полисы, народы, территории, социальные институты. Управлять таким коллективом посредством властных институций отдельных полисов было совершенно невозможно, вместо них стала складываться новая система управления. В ней можно различить, по меньшей мере, две разные стратегии и практики: использование властных полисных институций (они сохранялись, но их деятельность переориентировалась так, чтобы не противоречить задачам большого коллектива) и управление из центра, распространявшееся на все социальные образования. Как показывают многие исследователи, управление из центра требовало, с одной стороны, специалистов, невольно встававших над общинами полиса (из этих специалистов и формировалось сословие римских чиновников), с другой – объединяющего и направляющего начала, роль которого берет на себя император.

Я бы назвал институцию и личность императора третьей предпосылкой. Как институция, император руководил армией, и не просто руководил, а в качестве сильной и властной личности превратил ее в свое «социальное тело»⁷. Но император, обладающий таким социальным телом, становился соизмеримым с обществом большого коллектива. Дальше, как показала история, были возможны разные сценарии развития событий. Например, для Древнего Рима был характерен симбиоз двух типов социальности (полисной и имперской), обычно с ведущей ролью императора. А, скажем, в России, начиная с Ивана Грозного, имеет место подавление деятельности входящих в империю обществ и властных институций отдельных территорий с абсолютным доминированием монарха и его чиновников⁸.

⁷ И чиновники императора часто превращали институции, в которых они работали, в собственное социальное тело. Это позволяло им извлекать из своих профессиональных мест немалую ренту.

⁸ Свою политическую теорию Иван Грозный излагает в Посланиях к Курбскому и другим лицам. Родословную русских князей он возводит «от Августа-царя и его брата Пруса к Рюрику и киевским князьям. Божественное происхождение русских царей, по мнению Ивана Грозного, оправдывает «неограниченность прерогатив царской власти: царь не должен быть никем и ничем связан в своих действиях; он не отвечает за свои поступки перед подданными, но лишь перед Богом, поэтому и стоит выше закона, и даже если поступает несправедно – это лишь грех, а не преступление» [4, с. 44]. Отрицает Иван IV любую необходимость делиться

Имперская социальность создает условия для двух важных социальных новаций – становления на основе институций полноценных социальных институтов и формирования права. Правда, этот процесс оказался весьма длительным; завершается он, похоже, только в культуре Нового времени. Именно в имперской социальности начинает преодолеваться синкретизм, заставляющий мыслить в единстве (как одно) антропологические характеристики и характеристики социальных институций. Если, например, афинский судья всегда действовал с оглядкой на общину, поскольку он был ее членом и только временным представителем власти, то имперский чиновник в идеале отвечал только перед императором, который мог его назначить на весьма длительный срок. И судопроизводство он теперь осуществлял, следуя не обычаям того или иного полиса, а исходя из высших интересов и установлений империи. Эти установления должны были лежать по ту сторону частных интересов и проблем отдельных полисов или территорий, быть, так сказать, *всеобщими и равными*⁹. Но это как раз и выступает одним из необходимых условий формирования социальных институтов и права.

Другое необходимое условие – равенство и свобода пользователей социальными институциями, о которой писал еще Стагирит. В Римской империи это условие если и выполняется, то только для относительно небольшой группы населения (те же чиновники, богатые люди, городской плебс). Основная же часть населения империи была очень далека от этих идеалов. Другое дело – Средние века. Здесь, особенно в городах, набирают силу процессы уравнивания и освобождения от власти полиса (местной общины, территории) разных слоев населения. Города, пишет Неретина, «стали не только великой освободительной силой, но силой, где рождалась система равных отношений на основе ведения дел и новая выборная

властью, скажем, с боярами или советами городов. Кровавые расправы Ивана Грозного преследовали цель не только укрепления царской власти, но и подавления всякого инакомыслия и создания атмосферы страха, в которой абсолютная власть самодержца уже не встречала никакого сопротивления. «Термин “гроза” у Ивана IV означает устрашение подданных. Причем он обосновывает свое право судить и наказывать не только за дела, но и за мысли» [4, с. 45].

Но как же вмещающаяся царю нравственная функция? Считалось, что батюшка-царь должен быть справедливым. Дело в том, что реальная власть на земле осуществляется не небесными слугами, а обычными людьми, личностями, которые вполне могут быть (и часто, к сожалению, бывают) слабыми, честолюбивыми, эгоистичными, даже психически больными. На обычном, не царском месте такой человек не принесет большого вреда, однако, вступив на трон, он начинает определять все основные социальные процессы в стране. Как только, пишет К. Касьянова, личностный статус человека начинает распространяться за пределы его обычных человеческих связей (например, когда он попадает во власть), так «сразу же возникает возможность разнообразных злоупотреблений и искажений. А личностный статус правителя нашего государства – это явление, возникающее всегда именно при таких недозволенных условиях. Правда, возникая всегда недозволенным способом, оно не всегда вызывало такие страшные последствия, как в эпоху Ивана IV или Сталина» [5, с. 340–341].

⁹ Подобное понимание подготавливает античная философия, особенно Аристотель.

система, ведущая к эгалитарности <...> той эгалитарности, к которой волей-неволей приводила жизнь городского экономического духа (домашнего мира), поскольку, следуя средневековому присловью, “городской воздух делает свободным”» [7, с. 27, 92].

Наращиванию эгалитарности способствуют и процессы христианизации. Уже к XII–XIII вв. у многих жителей Европы складываются одинаковые когерентные представления, они принимают христианскую веру и сценарий личной и соборной жизни (личного спасения, Страшного суда и Второго пришествия Христа). Эти представления, безотносительные к социальным различиям («нет ни эллина, ни иудея»), объединяют христиан Европы, создавая основание для будущего глобального коллектива.

Другая средневековая новация – формирование нового типа политики не в рамках отдельного полиса, а, с одной стороны, как обсуждение основными властными и социальными субъектами актуальных дел королевства (империи), с другой – путем принятия решений, опосредованных правом. Например, во Франции это были Королевский совет, парламенты, Генеральные штаты, которые включали в себя основные сословия и различных специалистов, в том числе представителей университетов, а решения они принимали, следуя средневековому праву и законам.

Заканчивая характеристику результатов первой части исследования, попробую перекинуть мостик к следующей – изучению социальности Нового времени. Предпосылки ее складываются еще в средневековой культуре. Но только в эпоху Возрождения, а также в XV–XVI вв. появляются важные новации, подготовившие становление новоевропейской социальности. К ним я бы отнес прежде всего следующие. Завершение средневекового культурного проекта (в основной массе европейцы стали христианами, а конец света в виде Второго пришествия Христа был отодвинут церковью в неопределенное будущее). Становление новоевропейской личности, поставленной Богом, как писал Пико делла Мирандола, в центр мира, которая по «собственному желанию» может создавать реальность и себя. Бурное развитие городов, торговли и промышленности, без которых не мог бы происходить рост европейского населения. Кризис христианской (католической) церкви и христианского мира, вылившийся в религиозные войны и завершившийся Реформацией и принципом веротерпимости. Формирование государства нового типа (национального), постепенно захватывающего и стремящегося нормировать все основные процессы хозяйственной и социальной жизни своей страны. Разработка (Ф. Бэкон и др.) нового культурного проекта (построение царства человека на основе овладения процессами природы, создание естествознания и инженерии и опирающейся на них промышленности). Постепенный уход со сцены истории (или ослабление) средневековых сообществ (рыцарей, аристократии,

духовенства) и наоборот, усиление или формирование новых сообществ (купцы, буржуа, чиновники, рабочие, капиталисты и др.).

Появляются и проекты построения новой социальности (новой сборки коллектива). Один из первых был создан еще в XIV в. Марсилием Падуанским (в известном произведении «Защитник мира»). Более совершенные относятся к эпохе Возрождения и Новому времени, это проекты Н. Макиавелли, Г. Гроция, Ж. Бодена, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка и ряда других мыслителей. Вот главные идеи этих проектов. Основные участники социальной жизни – государство, общество (народ), естественное право и люди. Отдельные люди – достаточно эгоистические существа, склонные к конфликтам и неразумным действиям (к «войне всех против всех»). Одновременно они как личности активны, отстаивают свою свободу, стремятся к равенству, могут прислушаться к доводам рассудка и морали. Функция и миссия государства состоит, с одной стороны, в обуздании неразумного, эгоистического поведения людей (монополия на насилие и прочее) с целью направить это поведение в русло социального блага, с другой – в управлении и контроле над основными социальными процессами (хозяйственными, обменными, поддержанием порядка, защитой страны от внешних врагов и прочее).

Другой регулятор и ориентир для правильного, социально значимого поведения людей – право и законы, которые гарантирует и поддерживает именно государство. А вот общество должно не только направлять и контролировать государство (эти задачи вменяются в функции законодательной власти, партий и других общественных организаций), но и следить, чтобы государство не отклонялось от заданных обществом направлений, не действовало вопреки обществу. Последняя возможность, что стало понятным, правда, значительно позднее, связана с тем, что государство действует посредством тех же самых эгоистических людей, которые, как правило, не могут устоять перед соблазном использовать свое служебное положение. Более того, возможности, предоставляемые властным «местом», меняют человека, он чувствует и осознает себя по отношению к другим привилегированным существам.

Это, так сказать, основная схема, конкретно же мыслители предлагали разные варианты отношений между указанными участниками социальной жизни и по-разному характеризовали самих этих участников. Например, как известно, Гоббс склонялся к приоритету государства над обществом («Левиафан»), а Локк – наоборот.

На основе рассмотренного здесь проекта новоевропейской социальности, начиная с XVI–XVII вв., создавались конкретные социальные коллективы и сложилась, пройдя значительный путь развития, новоевропейская социальность, естественно, в разных вариантах (особенности этой социальности и будут предметом дальнейших исследований автора). Но к се-

редине XX столетия новоевропейская социальность себя в значительной мере исчерпала. Во-первых, потому что новые социальные технологии позволили отдельным сообществам, а часто даже отдельным индивидам захватывать социальные институты государства, заставляя их работать не на общее благо, т. е. общество, а на самих себя. Во-вторых, потому что развитие новоевропейской социальности обусловило такую сложность социальности, которая уже не могла быть осмыслена в рамках существующих социальных знаний и наук. В-третьих, сложились новые формы социальности (глобальные и планетарные феномены), свидетельствующие о становлении социальности совершенно нового типа. Короче говоря, мы входим в новый цикл обсуждения и становления социальности.

Вот таким образом я вижу второй этап исследования европейской социальности. Это конечно, только схема со всеми вытекающими из этого следствиями.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 376–644.
2. *Бауман* З. Актуальность холокоста. – М.: Европа, 2010. – 312 с.
3. *Гайденок* П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
4. *Золотухина* Н.М., *Толстомятенко* Г.П. История политической и правовой мысли в России XI – начала XVII в. // Русская политическая и правовая мысль XI–XIX вв. – М.: ИНИОН, 1987. – С. 7–49.
5. *Касьянова* К. Национальный характер и социальный архетип // Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994. – Гл. 3. – С. 24–32.
6. *Латур* Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. – М.: Высшая школа экономики, 2014. – 382 с.
7. *Неретина* С. Воскресение политической философии и политического действия: Парижское восстание 1356–1358 гг. – М.: Голос, 2012. – 388 с.
8. *Давыдов* Ю.Н. Общество // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 131–132.
9. *Платон*. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 79–420.
10. *Ритцер* Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
11. *Розин* В.М. Предоставление свободы человеку как условие становления античной демократии и личности // Культура и искусство. – 2018. – № 1. – С. 7–15.
12. *Розин* В.М. Дорожная карта реконструкции становления античной культуры и социальности (период полисов, до образования империй) // Культура и искусство. – 2018. – № 3. – С. 8–20.

13. *Розин В.М.* Культурология. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2003. – 462 с.
14. *Розин В.М.* Культурология. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 410 с.
15. *Розин В.М.* Личность и ее изучение. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2012. – 232 с.
16. *Розин В.М.* Природа социальности: проблемы методологии и онтологии социальных наук. – М.: Ленанд, 2016. – 288 с.
17. *Розин В.М.* Изучение и особенности социальности Древнего мира. Ст. 1. Протосоциальность Древнего мира [Электронный ресурс] // Культура культуры. – 2018. – № 2. – URL: <http://cult-cult.ru/study-and-peculiarities-of-the-sociality-of-the-ancient-world-article-1st/> (дата обращения: 08.02.2019).
18. *Розин В.М.* Становление социальности Римской империи в период правления Октавиана Августа // Культура и искусство. – 2018. – № 2. – С. 22–32.
19. *Розин В.М.* Прологомены к реконструкции социальности Средних веков // Культура и искусство. – 2018. – № 3. – С. 21–32.
20. *Розин В.М.* Семиотические исследования. – М.: Пер Сэ; СПб.: Университетская книга, 2001. – 256 с.
21. *Розин В.М.* Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. – Йошкар-Ола: Поволж. гос. технол. ун-т, 2016. – 280 с.
22. *Розин В.М.* Философия техники: учебное пособие для вузов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2018. – 296 с.
23. *Сергеев В.С.* Очерки по истории древнего Рима. – М.: Соцэкгиз, 1938.
24. *Giddens A.* Sociology. – 6th ed. – New Delhi: Wiley India Pvt. Ltd., 2009. – P. 329–331.
25. *Hobsbawm E.J.* From social history to the history of society // Daedalus. – 1971. – Vol. 100, N 1: Historical studies today. – P. 20–45. – URL: <http://www.jstor.org/stable/20023989> (accessed: 08.02.2019).
26. *Lenski G., Nolan P., Lenski J.* Human societies: an introduction into macrosociology. – Boston: McGraw-Hill, 1995.
27. *Lincoln B.* Discourse and the construction of society: comparative studies of myth, ritual, and classification. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 238 p.
28. *Rawls J.* Justice as Fairness // The Philosophical Review. – 1958. – Vol. 67, N 2. – P. 164–194.

Статья поступила в редакцию 05.09.2018.

Статья прошла рецензирование 24.10.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.1-11-33

FORMATION AND STAGES OF THE DEVELOPMENT OF EUROPEAN SOCIALITY

Rozin Vadim,*Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,**Chief Researcher, Institute of Philosophy of RAS,**12, bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract

Two main themes are considered in the article: the author's understanding of sociality and the results of his research into the formation and the first stages (antiquity and the Middle Ages) of the development of European sociality. The understanding of sociality is defined by means of the characterization of the sociological approach, in which four basic features are distinguished. The first feature is axiological interpretation of sociality (righteous - unfair, conformity - inconsistency with the model or ideal) and the establishment of alteration or improvement of sociality. The second feature is the analysis of mass behavior and social order. The third is the study of sociality, beginning with ancient culture; the idea of the nature of sociality and the identification of its laws; a dilemma: what sociology does study or, more precisely, should study - modernity or postmodernity. The fourth feature - sociology considers sociality as a phenomenon of modernity, i.e. studies the mass behavior of people as such, outside the historical and cultural context. Outlining the results of studying the formation and development of the first stages of European sociality, the author first of all distinguishes between proto-sociality, by which he understands the previous state and the preconditions of sociality, where specific forms of social awareness have not yet emerged, and sociality proper. He points out two reasons for analyzing sociality: first, this analysis avoids illegal historical reconstructions (upgrades), when it is considered that sociality has always been, and secondly, it gives an opportunity to understand what is fundamentally new in the process of the emergence of sociality. Only in sociality there is a personality, without which the first type of sociality would not have taken place - polis sociality. Here the thinking is formed, for the first time it allowed to divorce social life and knowledge about it (putting social life as an object in the schemes and knowledge, the person as a person could begin to think out sociality and set the task of improving it). Further, the characteristics of the three main types of sociality are considered: the ancient sociality, which assumes the decision-making within the framework of the policy by free citizens; imperial sociality, subordinating polis sociality to the centralized management of the emperor and medieval sociality, which whimsically united both of these types of sociality. The bridge is shifted to the next stage of the study - the New European sociality and its postmodern crisis.

Keywords: sociality, sociology, genesis, proto-sociality, culture, personality, science, nature, community, management, power.

Bibliographic description for citation:

Rozin V.M. Formation and stages of the development of European sociality. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 1, pt. 1, pp. 11–33. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.1-11-33.

References

1. Aristotle. Politika [Politics]. Aristotle. *Sochineniya*. V 4 t. T. 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 376–644. (In Russian).
2. Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. Cambridge, Polity Press, 1989 (Russ.ed.: Bauman Z. *Aktual'nost' kholokosta*. Moscow, Evropa Publ., 2010. 312 p.).
3. Gaidenko P.P. *Proryv k transsendentnomu: novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the transcendental. A new ontology of the twentieth century]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 495 p.
4. Zolotukhina N.M., Tolstopyatenko G.P. Istoriya politicheskoi i pravovoi mysli v Rossii XI – nachala XVII vv. [History of political and legal thought in Russia XI – early XVII centuries]. *Russkaya politicheskaya i pravovaya mysl' XI–XIX vv.* [Russian political and legal thought of the XI–XIX centuries]. Moscow, INION Publ., 1987, pp. 7–49.
5. Kas'yanova K. Natsional'nyi kharakter i sotsial'nyi arkhetyip [National character and social archetype]. Kas'yanova K. *O russkom natsional'nom kharaktere* [About Russian national character]. Moscow, Institute of the National Model of Economics Publ., 1994, pp. 24–32.
6. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford, Oxford University Press, 2005 (Russ. ed.: Latur B. *Peresboroka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevnyu teoriyu*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 382 p.).
7. Neretina S. *Voskresenie politicheskoi filosofii i politicheskogo deistviya: Parizhskoe vosstanie 1356–1358 gg.* [Resurrection of political philosophy and political action. The Paris Uprising of 1356–1358]. Moscow, Golos Publ., 2012. 388 p.
8. Davydov Yu.N. Obshchestvo [Society]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. V 4 t. T. 3 [New philosophical encyclopedia. In 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 2001, pp. 131–132.
9. Plato. Gosudarstvo [State]. Plato. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 3 [Complete works. In 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 79–420. (In Russian).
10. Ritzer G. *Modern sociological theories*. 5th ed. Boston, McGraw Hill, 2000 (Russ. ed.: Rittser Dzh. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii*. 5-e izd. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 688 p.).
11. Rozin V.M. Predostavlenie svobody cheloveku kak uslovie stanovleniya antichnoi demokratii i lichnosti [Granting freedom to Man as a condition for the emergence of ancient democracy and personality]. *Kultura i iskusstvo – Culture and Art*, 2018, no. 1, pp. 7–15.
12. Rozin V.M. Dorozhnaya karta rekonstruktsii stanovleniya antichnoi kul'tury i sotsial'nosti (period polisov, do obrazovaniya imperii) [Road map of the reconstruction of the formation of ancient culture and sociality (the period of policies, to the formation of empires)]. *Kultura i iskusstvo – Culture and Art*, 2018, no. 3, pp. 8–20.
13. Rozin V.M. *Kul'turologiya* [Culturology]. 2nd ed. Moscow, Gardariki Publ., 2003. 462 p.

14. Rozin V.M. *Kul'turologiya* [Culturology]. 3rd ed. Moscow, Yurait Publ., 2018. 410 p.
15. Rozin V.M. *Lichnost' i ee izuchenie* [Personality and its study]. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2012. 232 p.
16. Rozin V.M. *Priroda sotsial'nosti: problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh nauk* [The nature of sociality: problems of methodology and ontology in the social sciences]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 288 p.
17. Rozin V.M. Izuchenie i osobennosti sotsial'nosti Drevnego mira. St. 1. Protosotsial'nost' Drevnego mira [Study and features of the sociality of the Ancient World. Art. 1. Protosotsialnost Ancient World]. *Kultura kulturey – Culture of Culture*, 2018, no. 2. Available at: <http://cult-cult.ru/study-and-peculiarities-of-the-sociality-of-the-ancient-world-article-1st/> (accessed 08.02.2019).
18. Rozin V.M. Stanovlenie sotsial'nosti Rimskoi imperii v period pravleniya Oktaviana Avgusta [Formation of sociality of the Roman Empire during the reign of Octavian August]. *Kultura i iskusstvo – Culture and Art*, 2018, no. 2, pp. 22–32.
19. Rozin V.M. Prolegomeny k rekonstruktsii sotsial'nosti srednikh vekov [Prolegomeny to the reconstruction of the sociality of the Middle Ages]. *Kultura i iskusstvo – Culture and Art*, 2018, no. 3, pp. 21–32.
20. Rozin V.M. *Semioticheskie issledovaniya* [Semiotic research]. Moscow, Per Se Publ., St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 256 p.
21. Rozin V.M. *Tekhnika i tekhnologiya: ot kamennykh orudii do Interneta i robotov* [Engineering and technology: from stone tools to the Internet and robots]. Yoshkar-Ola, Volga state University of technology, 2016. 280 p.
22. Rozin V.M. *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of technology]. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2018. 296 p.
23. Sergeev V.S. *Ocherki po istorii drevnego Rima* [Essays on the history of ancient Rome]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1938.
24. Giddens A. *Sociology*. 6th ed. New Delhi, Wiley India Pvt. Ltd., pp. 329–331.
25. Hobsbawm E.J. From social history to the history of society. *Daedalus*, 1971, vol. 100, no. 1. Historical studies today, pp. 20–45. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20023989> (accessed 08.02.2019).
26. Lenski G., Nolan P., Lenski J. *Human societies: an introduction into macrosociology*. Boston, McGraw-Hill, 1995.
27. Lincoln B. *Discourse and the construction of the society: comparative studies of myth, ritual, and classification*. Oxford, Oxford University Press, 1992. 238 p.
28. Rawls J. Justice as Fairness. *The Philosophical Review*, 1958, vol. 67, no. 2, pp. 164–194.

The article was received on 05.09.2018.

The article was reviewed on 24.10.2018.